

ВСЕГДА СЕГОДНЯШНИЙ РАЙКИН

СПЕКТАКЛЬ Ленинградского театра миниатюр «...Зависит от нас» нов, современен. А. Райкин здесь предстает во всем своем мастерстве.

Помещение Театра эстрады, где идет программа, отделано до блеска, сверкает свежестью. Вот только попасть сюда нелегко. Начало настоящего театра снаружи — на ближних и дальних уличных подступах. От угла Невского идешь сквозь строй вопросов на вечную тему...

Потом, перед задернутым уже занавесом, прощаясь, Райкин машинальным жестом хорошо поработавшего мастера словно бы страшнет с себя сценический наряд и, усмехливо посмотрев в зал, скроется в прорези занавеса. Выйдет снова, уже без пиджака: дескать, пора бы и вам, друзья, отдохнуть. Еще подразнит доброй усмешкой и опять нырнет в складки занавеса. А когда возвратится на неутраченные вызовы, и помочи будут скинуты с плеч: пока, пока, уж ночь недалека! Зал в веселом азарте: чем кончится нежданная пантомима? Райкин выглянет в сером клетчатом пальто. Да, пора по домам. Ничего не напишешь...

Райкин сегодня в лучшей своей форме, изящен и легок. И полон творческих идей, позволяющих увлекательно беседовать с залом о жизни. Ясна утверждающая мысль Райкина — автора спектакля и главного исполнителя. Всюду маячит то, во имя чего обличаются тернии быта, безответственность, недоброта. В веселье эстрады прицельная логика, сатира знает идеал, во имя которого бьется.

Строя на тексте и над текстом образы своего искусства, Райкин неуловимо сближает неблизкие понятия. Разговоры его героев — то саморазоблачительная элегия, то доверительный гротеск. Персонаж чонолога, интермедии, сценки

откровенничает с залом, выкладывается в поисках сочувствия, высматривает в публике дружков. В его голосе прямо-таки подкупающие нотки: он мысли не допускает, что его могут не так понять. Скажем, вот проворный махинатор из монолога В. Сквирского «Мыслитель»:

— Я же гуманист, все сообщаю через ГУМ, — уверяет он. — Я же шевелюсь!..

И Райкин в образе этого шельмеца призывает войти в положение рассказчика.

Или он один из тех, что проходят во вступительном монологе: обыватель, паразит, с мыслью лишь бы не высываться вперед, не потрудиться больше других.

— Только в середине! Только в серединке! Только в сере-ди-ноч-ке! — его выстраданный рефрен.

Как лучший друг и советчик зала, он делится с нами житейским опытом, доверяет точные выкладки:

— Если от *наше* отнять *ваше*, уже будет *мое!* — ликует он.

Райкин умеет дать высказаться ловчие и бестии со всей убежденностью, с истовым биением в грудь, с дрожью в голосе и слезой. Надсадная искренность антигероя, конечно, смешна. Но не только смешна. Она заставляет взглянуться, вдуматься и отшатнуться. Райкин в монологе работает за двоих: вот он ушел в антигероя, растворился в нем почти без остатка и хлопочет от его имени перед залом, бьет на доверие. И тут же ритм общения с залом, интонация, пластика, взгляд показывают, что нет, весь он не ушел, он знает, что патетика и слеза никого не обманут. И не то чтобы гражданственная позиция актера вносит поправочный коэффициент — все вообще сплетающиеся ли-

ний воздействия на зал, вся сложная актерская инструментка текста вызывают в зале положенную отдачу: смену беззвучных улыбок от парадоксальных признаний, взрыв хохота от будто невзначай мелькнувшей, но точно рассчитанной шутки, настоящий эстетический захват, живое наслаждение от большого искусства.

В пределах того же монолога Райкин выступает и прямо от собственного лица. Он восходит на вышку эстрадной публицистики. Это самое трудное в разговорных жанрах — открыто беседовать с залом, так, что в твоих глазах скрещиваются взоры всех твоих сегодняшних собеседников-зрителей, а впечатление минутами такое, что разговор для каждого свой, с глазу на глаз. Тут мало быть хорошим актером. Надо быть личностью на эстраде, чтобы неизменно держать внимание зала, высекать искры добра из сердец объединенных тобою людей. Таких мастеров на эстраде в обрез. Вспоминаются разговоры Смирнова-Сокольского, барда эстрадного фельетона. Но у Райкина, все знают, дело не ограничивается прямым разговором. Он многолик в своих фельетонах, населяет их играемыми образами, и клавиш монолога разрастается в оркестровую партитуру игры.

Есть и совсем новое в этой игре (помимо новизны номеров программы). Кажется, впервые Райкин ведет всю программу, от начала и до конца, не надевая маски, не прибегая к эффектам трансформации. Ни масок, ни кукол, ни манекенов. Рыцарь эстрады идет в свой новый поход с поднятым забралом. Он все равно по ходу разговоров играет людей, их характеры, особенности, приметы. Но достигает этого внутренним перевоплощением, которое отменно служит эстрадную службу.

В миниатюре «Единое мнение» (авторы В. Синакевич и В. Сквирский) некий зав — Райкин — и его подчиненный (мягкий, органичный комик В. Ляховицкий тут сдержан и как бы подавлен) спорят, так сказать, о расцветках. Случай из тех, когда норовят выдать черное за белое и наоборот. Подчиненный держит книгу в желтом переплете. Начальник требует признать, что она цвета солнца, но зеленая, как трава. Начальственная диалектика неотразима. Бедняга подчиненный и рад не перечить шефу, но в его ответах недостает убежденности. «Верю!!» — наконец, на грани отчаяния и восторга вопит подчиненный, стараясь в угоду шефу кривить душой с рвением и отвагой.

Здесь обогатается сквозная нравственная тема спектакля и актера. Пускай ситуация эксцентрична, пусть актер опять в роли антигероя: его гражданская позиция, суть и направленность его искусства по-настоящему сатиричны.

Перечень больших побед Райкина в спектакле не исчерпан. Да и напрасная это затея — исчерпать неисчерпаемое. Имеются в программе и другие, не названные монологи Райкина, миниатюры М. Гиндина «Жилетка», «Мы — за!..» и «По-простому», миниатюра самого Райкина «Почтовое отделение». В них хороши В. Горшенина, В. Ляховицкий, корректны все остальные.

Но идут, конечно, «на Райкина». На того самого, давнего нашего с вами знакомого, точного, пронизательного, сердечного, того, прежнего, который не наскучил и не наскучит. Потому что «прежний» Райкин — это всегда новый и неповторимый, практически неиссякающий художник, такой именно «дефицит» в искусстве, о каком он с таким веселым вкусом сам и рассказал.

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ